

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Движение прекращается, Коломбина-Цветаева обнаруживает себя в дореволюционной России. Подчеркнуть театральными афишами 1914 г., наклеенными на тумбу. Сам афишный столб венчать колокольной под византийским куполом. Возможно, взять что-нибудь в таком роде: «Роскошно-фантастический новогодний бал-маскарад с танцами и сюрпризами». Натянуть ненавязчивые детали (2-3): вид газовых фонарей, бойких мальчишек-разносчиков, исполнение городского романса где-то в глубине сцены (фрагмент) и т.п. Обязательный элемент – черный куб-стол (с углублениями) и рыцарские доспехи.

1

Марина: (Критически осматривает сцену.) Романтизма маловато, а так ничего, жить можно... Из знакомого – стол и рыцари. *(Любовно гладит доспехи.)* Рыцари – дракон, дракон – рыцари. Дракон на месте – где рыцари? Ау, рыцари! Я здесь! *(Стучит по шлему.)* Пусто. *(Укоризненно – зрителю.)* Я давно заметила, что наше рыцарство ищет дракона в самых неподходящих местах. Считается – считается! – что они меня выслеживают... Ой, а следят при этом... А гадят! Стыдно сказать: не рыцари, а стадо слонов! Вот по этому их де... *(тихо-нечко)* ...рью я их и нахожу. Выхожу на ясны очи, а они нос воротят: ты, говорят, докажи, что ты дракон, а то, говорят, мы так не играем... Я не говорила? Мне ведь еще прятаться полагается... *(Залазит с ногами на стол, разбирая ворох марионеток.)* О, носатенькая – на меня похожа. А этому франту где-то ногу оторвало... *(Зрителю.)* У нас, в России, мудро говорят: черт ногу сломал. *(Перебирает дальше. Растерянно.)* Ну, и под какой маской обнаружить себя на этот раз? Может, Кухарки из сказки Гоцци? *(Берет одну из кукол.)* Леандр, «лев среди людей» – это, конечно, Бурбоны... *(Зрителю.)* Мы обыграли этот образ, введя в моду аллонж подо льва... Любопытно, что пишут о Гоцци?

Ползает по столу, сваливая бумаги на пол, переваливается, ищет на полу.

Марина: Сейчас... сейчас... Сочувствую моим биографам. Надо проявить человечность – навести порядок в бумагах. А, вот: «*Написал несколько сатирических произведений, обеспечивших ему известность... Выступил за сохранение тосканских литературных традиций против новомодных реалистических пьес Пьетро Кьяри и Карло Гольдони.... Еще: своими пьесами-сказками Гоцци пытался составить эстетическую оппозицию новой литературе...*».

Недоуменный взгляд на зрителя.

Кривляние в «Трех апельсинах» – эстетично? Вы полагаете? Нет, забудем об апельсинах, мелочная интрижка. Что, если... *(Открывает книгу-ширму, поднимая Собор Парижской Богоматери.)* А это мысль! Эсмеральда – распутная девка, погубившая отца шутов Квазимодо и обвенчанная с поэтом! Нет сомнений, это мой Поль... А Феб – Его Величество король-Солнце! Я рушу брак Феба с Флер де Лис, королевской лилией, и даже соблазню церковь в лице архидиакона... Но все это детали, давно бывшие – меня интересует Эсмеральда! Полюбопытствуем, что пишут о романе наши непревзойденные критики... Не то... не то... *(Перебирает ворох бумаг, пока не находит нужную.)* Нашла!

«... был написан Гюго с целью вывести в качестве главного героя готический собор Парижа, который в то время собирались снести или модернизировать. Вслед за выходом романа во Франции, а затем во всей Европе развернулось движение за сохранение и реставрацию готических памятников».

Браво! Шутка достойная аплодисментов! Что ж, моя Коломбина уже преображалась в Франческину. Забудем о Франсуазе и примерим новый образ – Смеральдины! Мне нужен реквизит. *(Громко.)* Макс, мне нужен реквизит!

Голос Макса (откуда-то сверху): Тебе пойдет что-нибудь цыганское, звонкое!

Марина: Браслеты! Много браслетов! *(Надевает браслеты.)* Слышишь, как звенят?

Голос Макса: И нищенское платье!

Марина: О, за этим дело не станет! *(Крепит поверх юбки цыганский платок.)*

Голос Макса: Теперь серьги!

Марина: Это слишком! Ты царственность мою пожалей, сынок! *(Рассматривает себя в зеркале.)* По-моему, неплохо, как думаешь?

Появляется Макс.

Макс: По-моему, ты слишком умна для распутницы... Тебя выдают очки. Сними очки!

Марина: С ума сошел, я без них ни черта не вижу!

Макс: Так поначалу бывает, а потом привыкаешь. Марина, подумай, твой отказ от стекол позволит замечать только удобные для тебя вещи. Не упрямайся, снимай.

Марина: Чего-то не хватает?

Макс: Пройдись... Ты пробовала курить?

Марина: Немного.

Макс: Цыгане дымят, как паровозы!

Марина: Был бы жив папа, он бы меня прибил! *(Раскуривает папиросу.)*

Макс: Боже, как ты ее держишь – так курят сапожники, а не ветреницы!

Марина: *(Меняет положение на дамское.)* Доволен?

Макс: Не совсем.

Марина: Что еще?

Макс: Как бы тебе сказать... ты немного чересчур девственна для шлюхи... на зубрилу похожа, которая бежала от отца и назло ему набралась всякой дряни... Ты можешь засмеяться?

Марина: Ха-ха.

Макс: Жалкое «ха-ха»!

Демонстрация раскатистого смеха, заканчивающегося кашлем.

Марина: Макс, родной, ты в порядке?

Макс (сипит): Перед кем я распинаюсь... Твое неумение смеяться станет притчей во языцех! Вот увидишь, они еще выстроят на этом партию. Я знаю, что делать! Соня!

Появляется Соня.

Макс: Соня, подыграй Марине. Сможешь повторить роль прекрасной Нинон? Ну же, Сонечка, притворись спящей.

Соня: Кого нужно соблазнить?

Макс: Ее!

Хором: Макс, ты спятил!

Макс: Девочки, вы не понимаете: несколько ярких сцен, и благодарный зритель распластан у ваших ног! А потом страсть, разрыв, и можно расслабиться.

Соня: Но тогда придется рвать по живому!

Макс: За все нужно платить.

Марина: Макс, я не готова расплачиваться Сережей. Скажем ему?

Макс: Ни в коем случае! Он жив, пока остается в неведении.

Марина: Какая роль уготована ему?

Макс: Труффальдино, слуги двух господ. Он сам не заметит, как начнет сливать информацию о Вас.

Соня: Постой, я играю...

Макс: ...Изабеллу. Ты изыскана, начитана и нежна. Марина – Смеральдина, крестьянская выскочка с натруженными руками. А Сергей – одуроченный ею Арлекино.

Марина: Допустим, я кручу любовь с Арлекино, а чем в это время занят мой прежний муж – мой Поль?

Макс: Марина, твой брат может быть полезен в случае фиаско, а пока гони его в шею!

Марина: Как?

Макс: Найди предлог! Он первый попадет под удар, когда наша шутка раскроется. И ты не сможешь выстоять до конца, если с ним приключится беда.

Марина: Что ж, начнем, пожалуй. (*Тушит папиросу.*) Мой путь лежит от танцев во Дворе чудес...

Макс: Мой двор к вашим услугам!

Марина: ... к петле.

Макс: Ваш выход, маски!

Соня: После Вас!

Марина: Вот уж нет, моя любезная наставница, только после Вас!

Переступая условный порог, скрывают лица за масками: одна – М. Цветаевой, другая – С. Парнок. Фоновая музыка: Имре Кальман, «Ария Мистера Икс», фрагмент. («Снова туда, где море огней...») Макс выходит.

2

Соня наводит порядок в бумагах.

Марина с интересом ее рассматривает.

Марина: Соня, Вы любите театр?

Соня: Себя в театре.

Марина: Странно, то же самое я могла бы сказать о себе. Театр пуст, когда на сцене нет меня – хотя бы тени, даже малейшего воспоминания. Как Вы думаете, это эгоизм, всюду видеть себя?

Соня: Это реализм, дорогая, если речь о Вас. (*Заостряет внимание на стихах.*) Послушайте, здесь нужно исправить. «Во всех героях роковых трагедий...» Я женщина, потому не героев, а героинь. Потом, упоминание о роке граничит с глупостью. Усилим театральной экспрессией:

Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!

Марина (улыбается): Соня, Ваша правка вопреки дисциплине речи.

Соня: К черту дисциплину!

Марина: Скажите, почему у меня не получается писать стихи?

Соня: Вы слишком честны для стихов.

Марина: Я Вас не понимаю.

Соня: Марина, люди пишут для того, чтобы казаться, а Вы – за тем, чтобы быть.

Марина: Макс вообще запретил мне писать, пока не вырасту.

Соня: Слушайте Макса, моя дорогая.

Марина: Но другие – те, что рядом со мной – растут быстро.

Соня: Как Вы не понимаете, Вы идете на сцену, чтобы играть, и сбрасываете маску, спускаясь к зрителю. Ваши стихи – это великодушный спуск, для которого Вы должны подняться.

Марина: Разве у других иначе?

Соня: Другие никогда не сбрасывают маску.

Марина: И Макс?

Соня: В первую очередь, Макс.

Марина: Но мне не нравится быть ребенком, я хочу быть, как все. Хочу, чтобы меня уважали, чтобы моими стихами восхищались.

Соня: Пишите правильные стихи.

Марина: Я не могу.

Соня: И мы возвращаемся к тому, с чего начали: Вы не умеете лгать.

Марина: Разве поэзия не должна быть правдивой?

Соня: Моя девочка, поэзия – это шлюха.

Марина: А Вы в поэзии?

Соня: У Вас талант задавать неудобные вопросы.

Марина: У меня потребность изживать вопросы.

Соня: Я пользуюсь ею точно так, как она мною.

Марина: Тогда у Вас должно быть чувство неудовлетворенности.

Соня: Никогда! Я умею наслаждаться жизнью. Вот здесь слишком откровенно:

Я Вас люблю. – Как грозовая туча
Над Вами – грех –
За то, что Вы язвительны и жгучи
И лучше всех...

Марина: Оставьте! Вы лучше всех, это правда.

Соня: Такая правда звучит детским признанием, ребячеством.

Марина: Пусть так, если с Вами дитя. От лжи меня мутит больше, чем от собственной нескладности.

Соня: Вы будете писать сильно!

Алин плач за стеной. Прислушиваются.

Марина: (Тихонько.)

Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной – и всем чужой.
Пленительной амазонкой,
Стремительной госпожой.

И косы свои, пожалуй,
Ты будешь носить, как шлем,
Ты будешь царицей бала –
И всех молодых поэм...

Так?

Соня: Это хорошо. Еще десяток хороших, остальное мусор. Не сердитесь?

Марина: Я знаю. Соня, как Вы видите мое взросление?

Соня: Не представляю.

Марина: Но за что-то же Вы меня любите!

Соня: Вы уязвимее других, Вам нужно покровительствовать.

Марина: Хотите сказать, Ваша любовь ограничивается материнскими чувствами?

Соня: Дайте подумать... *(Полусмеясь.)* Я Вас люблю за умение ставить неудобные вопросы, переворачивать все вверх дном и оказываться при этом на высоте. *(Серьезно.)* Ваше присутствие делает жизнь осмысленной, но Вы, Мариночка, слишком слабы, чтобы Вас услышали. Ваше взросление определяется силой голоса. Я ответила на Ваш вопрос?

Марина: Почему же к Вам прислушиваются?

Соня: Потому что я актриса.

Марина: А я?

Соня: А Вы режиссер. Но Вы раздражили мое любопытство: признайтесь, за что Вы так сильно любите меня?

Марина: Вы умеете уходить на глубину, не теряя легкости. Вы праздничная, Нинон.

Соня: А хотите устроим праздник для двоих, только Вы и я? Слетаем на Сухаревку, подберем что-нибудь необычное? Спорим, я первая найду сокровище!

Марина: Спорим, я окажусь удачливее Вас!

Соня: Этого не может быть! Вы ребенок. Вы мыслите стереотипами и выберете что-нибудь блошиное.

Марина: В Ваших интересах верить в меня, потому что собираюсь искать для Вас!

Соня: О, тогда я буду помогать Вам!

Марина: Ни в коем случае, иначе я не поеду!

Соня хватается за руку Марины, чтобы ехать немедленно. Марина поначалу поддается, но передумывает и выдергивает руку. Неловкая пауза.

Марина: (Смущенно.) Знаете, Сонечка, как славяне называли любовные ласки? Пить камалу.

Соня: Камалу? Что-то знакомое...

Марина: Камала, хмель... Наши предки хмелели от любви.

Соня: Откуда Вы знаете?

Марина: (Таинственно.) Откуда я вообще все знаю? (Смехом.) Сонечка, я сама учила их. Это был змеиный рай.

Соня испуганно проводит пальчиком по Марининым губам. Марина целует руку, разворачивая подружку спиной к себе. Легонько и с наслаждением проводит по позвоночнику.

Марина: Женщина прогибалась под мужчину, теряя волю сопротивляться. Эту позу до сих пор называют «скифской» (Целует в шею. Соня отстраняется. Марина меняет тон на легкий.) А потом пришли варяги, христианские миссионеры, и от змеиного рая осталось пепелище: народ поработили, запретили радоваться... Даже праздник раздачи райских яблочек присвоили. (Смеется.) Слышал бы меня старик Иловайский!

Соня: Кажется, у вас взаимная неприязнь.

Марина: Он виноват в смерти моей матери, в моем искалеченном детстве.

Неловкое молчание. Марина, преодолевая смущение, устремляется к Соне. Та уклоняется, провоцируя очередную неловкость.

3

Сцена дель арте.

Соня скрывает лицо за маской Изабеллы.

Изабелла:

(Нежно привлекает к себе, целует в голову, а потом отталкивает.)

– Вы так стремительны и так неловки,
мой юный паж!
Ступайте, милая чертовка,
на бельэтаж.

Случайный взгляд ожогом выдался –
пылает страсть!
Вы так слабы... На сцене приступом –
берется власть.

Смеральдина:

– Разбит в щепу корабль тонущий –
потoki крыс!
И некого молить о помощи
для двух актрис.

Звезда моя, Вам так не терпится

спасти пажа!
Уста в уста печаль поверится,
о, госпожа!

Страстный поцелуй. Показывается Макс.

Макс: – Больше, больше драмы! Я вам не верю!
(Появляется растерянный Ар- Откуда ты взялся? Идем, идем со мной!
лекин. Уводится силой.) Я поведаю тебе о женской верности!

Смеральдина: – Меня с колен поднимут силою –
я Вас люблю!
Толпа брезгливо не помилует
публичных шлюх!

Своей рукой бичую грешную –
безумства час!
Насмешница моя потешная,
венчаю нас!

Изабелла: – Распутства плащ мой на удачу –
Вам амулет!
Дождя потоки – я не плачу!
Любови нет!

Но я молю: во тьме кромешной
своей рукой
печальнице в делах сердечных
окно открой!

Изабелла сбрасывает маску, бежит в слезах. Опечаленная Смеральдина уходит в противоположном направлении.

4

Небольшое движение на сцене.

Шум моря.

Появление Макса в сопровождении обормотов и Пра.

Макс: (Выбирает между лабрисом и венком из виноградной лозы.) Друзья, я все еще колеблюсь между Зевсом и Дионисом.

Обормоты: (Восторженно.) Макс, ты прирожденный Дионис!

Макс: Мои кудри так убедительны?

Пра: (Трезво.) Скорее, винные пары.

Макс: (Надевает венок.) Пра, что ты думаешь?

Пра: Думаю, в детстве ты очень походил на козленочка – был так же резв и глуп. Так что, учитывая ранние страницы твоей биографии, – вылитый Дионис! А, впрочем, не мешает проверить. Вот тебе задание-этиюд – «Дионис и безумие».

Макс без смущения изображает слепую ярость.

Пра: Довольно неплохо. А если так: «Дионис и религиозный экстаз»?

Ненадолго задумывается, после чего падает в эпилептическом припадке, а потом встает с совершенно безумным взглядом и пускается в пляс, пока не наталкивается на решительно настроенную Марину.

Макс: О, восставшая из пены, будь моей Афродитой!

Марина: (Серьезно.) Этого еще не хватало. Сворачивай свой обормотник – есть дело!

Макс: Но мы только начали.

Пра: О! И в детстве ты ныл точно так же!

Макс: (Устремляется за Мариной, не поспевает.) Мариночка, какая муха тебя укусила?

Марина: (Резко оборачивается. Вполголоса.) Та, на крылышках которой прилетело послание.

Макс: Откуда?

Марина: (Возводит глаза к небу.) Оттуда.

Оба на какое-то время устремляют взгляд в небо, не свалится ли еще чего-нибудь.

Макс: Друзья, я присоединюсь к вам позже. (Пра и обормоты уходят.) Маринка, с тобой ни хрена не весело. Да нет же – с тобой страшно!

Марина: Это мне страшно, на что ты растрачиваешься. (Берет на слабо.) Не переживай, твою эпитафию я напишу твоими же красками.

Макс: Хулиганка!

Марина: Обормот!

Макс: Все так серьезно?

Марина: Серьезней некуда. Нынче ночью мне живописали обстоятельства будущей жизни. Так вот: мне предстоит родиться в совершенно заурядной семье: ни театра, ни поэзии, ни музыки – ничего, что подтолкнуло бы меня к восхождению по известной лестнице. До своего сорокалетия без посторонней помощи должна разобраться в природе вещей.

Макс: Это шутка? Как насчет потусторонней помощи?

Марина: Макс, это задача, с решением которой ты мне поможешь. Я нуждаюсь в ключах – это ты понимаешь?

Макс: Что я могу?

Марина: (Задумывается.) Ну, например, составить для меня словарь Семюэля Гулливера.

Макс: С ума спятила!

Марина: Ты не понял, нужно запустить собственные партии игры в бисер.

Макс: А все, что я писал до этого, тебя не удовлетворяет? (Читает с листа.)

...Гробницы Солнц! Миров погибших Урна!
И труп Луны и мертвый лик Сатурна –
Запомнит мозг и сердце затаит...

Марина: (Смотрит нагло.) Я распознаю в тебе Мастера, но не стану вчитываться.

Макс: Неужели я так плохо пишу?

Марина: Дай сюда. (Отбирает листок.)

... О, пыль миров! О, рой священных пчел!
Я исследил, измерил, взвесил, счел,
Дал имена, составил, карты, сметы...

Но ужас звезд от знания не потух.
Мы помним все: наш древний, темный дух,
Ах, не крещен в глубоких водах Леты...

Безнадежно. Макс, твоя поэзия театральна, а мое мышление рационально. Пока не выясню, что за пчелы, я к этому не притронусь. И, следовательно, твой плод познания будет гнить без надобности. (Возвращает текст.) Повторяю: даже если осилю твой слог, что вряд ли, мне откроется Мастер, в то время как я нуждаюсь в Иисусе.

Макс: Зачем так усложнять? Не проще ли свалиться на руки какой-нибудь театральной мамаше?

Марина: Не проще. Чтобы навести порядок, мне нужен порядок в семье: сон по часам, отутюженные простыни, суп – если не в супнице, так за хорошо сервированным столом, приличная школа, усиленные занятия математикой – ничего, что спровоцировало бы бунт, который впоследствии пришлось преодолевать.

Макс: (Искренне.) Сдохнуть можно!

Марина: Не переживай, тебе это не грозит: как бродяжничал в обнимку с дворнягами, так и будешь бродяжничать.

Макс: (Встревоженно.) Тебе точно обещали мою свободу? Ты ничего не напутала?

Марина: Разве этот (показывает на себя) «труп Луны и мертвый лик Сатурна» тебя когда-нибудь обманывали? (Смотрит испытывающе. Вид растерянного Макса заставляет ее примерить легкое лицо.) Знаешь, сынок, напиши-ка мне трагедию, скажем, «Путями Каина», как мы и договаривались. И можешь своими красками, но не раньше, чем я оставлю Россию.

Макс: Ты едешь? Когда?

Марина: (Впервые совершенно серьезно.) Вопрос открыт. Я хочу разделить с русским человеком боль революции и гражданской войны. Может, потом, когда они начнут строиться?

5

Поверх морского прибоя новая реальность врывается группой красноармейцев, красными знаменами и рабочей Марсельезой. Марина и Макс расходятся, не глядя в глаза зрителям.

6

Красноармейцы сбрасывают буденовки, устраиваются жрать водку.

Атмосфера забегаловки на рабочей окраине Москвы.

Заходят А.И. Цветаев и М.А. Волошин.

Волошин: Не потряхнуть ли Вам стариной, любезный Андрей Иванович? Я думаю, Ваш сатирический роман давно пора поднимать на новую высоту!

Цветаев: Бросьте, в этой стране уже никто не помнит Поля Скаррона.

Волошин: Мадам Скаррон помнят еще меньше, что, однако, не мешает ей упражняться в рифмах.

Цветаев: Мой дорогой друг, наша поэзия пуста и безнравственна.

Волошин: Пишите нравственно!

Цветаев: Чтобы пополнить ряды нищих русских поэтов? Нет уж увольте! Что такое поэт без аудитории?

Волошин: Можно валять дурака, как Маяковский!

Цветаев: Еще немного и его раскусят.

Волошин: Нет, Вы, право, невыносимы! Отрастили брюшко, сбросили шерсть и сибаритствуйте, потеряв всякую совесть! Вы уже не прежний улыбчивый мальчик с тонкими манерами, каким я Вас запомнил. Вы – самый настоящий паскуда-кот!

Цветаев: Я Бегемот, и я люблю под водочку вкусно поесть. Не наказуемо.

Волошин: А я хочу Вашей сатиры, нравственной сатиры. (На этих словах Цветаев смеется.)

Вы же не оставляете мне выбора, как только скрипеть зубами над пошленькими фельетончиками «Крокодила». Бегемот, я категорически против пролетарского юмора!

Цветаев: Что Вас смущает, Максимилиан Александрович – ни одного матерного слова, все чисто.

Волошин: Вы увильваете от ответа, а между тем, мы могли бы запустить большую вещь, нужен только талант мастера.

Цветаев: И Вы уже не хотите вычеркнуть меня за ненадобностью?

Волошин: Кто старое помянет, тому, как говорится...

Цветаев: Марина консультирует.

Волошин: Марина – умная расчетливая женщина. Когда она говорит серьезно, разверзаются небеса, и все светила сразу наваливаются на ваш бедный ум, связанный младенческими пеленками. Ее слово, как острый перец – берешь понемногу для стимулирования пищеварения. Но кому охота жрать только перец? Я – Пан поросших шиповником коктебельских склонов! Я – Бахус, чья Ариадна не созрела для любви! И потому я хочу пить и веселиться! *(На них обращают внимание.)* Подумайте, одна изящная партия. Вы какое литературное дарование предпочитаете в это время суток?

Цветаев: Булгакова.

Волошин: Отличный выбор! Выпьем за Мастера и его роман! *(Чокаются.)*

Крики о закрытии питейного заведения. Кто уходит сам, кого выволакивают. Остается Цветаев и красная действительность.

7

Цветаев: *(Задумчиво.)* Я мог бы написать эту комедию роскошными стихами, но я не стану жадничать. Да покорится Мастеру судьба его произведения. Я только подготовлю сцену литературному дарованию. *(Неожиданно громко.)* Я призываю к жизни рыжую Геллу!

Появляется из пламени.

Партия Софьи Парнок:

– Та, что безвременно в бозе почила,
Львицей из пепла восстала для мира!
В кожу вырастает маска срамницы,
Ведьмы из ада и кровопийцы!

Обрыв музыки. Голос издалика, из прошлого голос. Смех.

«Как весело сиял снежинками
Ваш – серый, мой – соболий мех,
Как по рождественскому рынку мы
Искали ленты ярче всех.

Как розовыми и несладкими
Я вафлями объелась – шесть!
Как всеми рыжими лошадками
Я умилялась в Вашу честь...»

Софья Парнок:

– Реет над городом черная метка,
Я привыкаю прыгать по клеткам,
Святочной харей крыть отвращение
К дьявольской мессе... *(Преображается.)*
Я в восхищении! *(Почтительный реверанс Автору.)*

Цветаев: Бывшего Регента! *(Появление в пламени Волошина.)* Как желаешь тебя изобразить?

Волошин: Меня-то? Мне бы, друг, жирок лишний сбросить – для формы, так сказать, и анонимности.

Цветаев: Жирок-то я сброшу. С рожей твой глумливой что делать прикажешь?

Волошин: Рожу попрошу оставить!

Максимилиан Волошин:

– Каков исход нецененной шутки
О добрых людях, истине и тьме!
Дружок сердечный выдался ублюдкой.
Вы, прокуратор, не в своем уме!

Из всех пороков самый страшный – трусость,
И Вы себя ославили в веках!
Я на кресте приговорен к искусу
Наивных стад... (*Гневно.*) Мы оба в дураках!

Цветаев: Маяковский! (*Из пламени шагает Владимир Маяковский.*)

Маяковский: Чё надо?

Цветаев: Ваньку валять!

Маяковский: О, это мы с превеликим удовольствием! (*Цитирует.*)

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Цветаев: Про маузер это ты хорошо вернул. Пойдешь демоном убийцей. Пожелания имеются?

Маяковский: Без баб.

Цветаев: Есть, без баб!

Окружают Андрея Ивановича.

Цветаев: Мне, так и быть, ката играть.

Парнок: Не ката, а любимого шута!

Волошин: Не шута, а Бегемота!

Цветаев: Замечательно, други, но мы забыли о Марине. Для такой представительной свиты, как наша, цыганщина не прокатит. Нужен образ посолднее. Кто там у нас имеется... сатана, бес, шайтан, демон?

Маяковский: Мефистофель начинается с «эм». И Маяковский.

Цветаев: Увы, место Маяковского занято. Другое имя?

Парнок: Люцифер! Аггел!

Волошин: Демиург!

Парнок: Велиар! Вельзевул!

Цветаев: Черт! Все ассоциируется, нужно другое! У Гете... как там этого черта звали... Фаланд?

Волошин: Воланд!

Цветаев: Точно, Воланд! А монограмму «эм» положим на визитную карточку. В руках иностранца ее можно принять за «двойную вэ».

Маяковский: Латиницей Воланд пишется через «вэ», зануды-редакторы внесут правку.

Цветаев: Не заметят... *(Раздражительно.)* Ну, сочиним что-нибудь для убедительности! Еще пару штрихов?

Волошин: Черный пудель – опора на Сергея Яковлевича!

Цветаев: Хорошо, пусть будет трость с черным пуделем. Еще?

Маяковский: Осмелюсь предложить: ее техническая бестолковость.

Цветаев: Это мысль! Вроде, умная баба, а дура душой! Все брысь! Мастера мне!

8

Из темноты выступает М.А. Булгаков.

Долго и испытывающе смотрят друг на друга.

Цветаев: У меня для Вас созрело безобразно великое дело.

Булгаков: Замечу, у меня не погашены счета по делам менее великим.

Цветаев: Присядем.

Булгаков: Итак, еще партия?

Цветаев: Вы можете отказаться.

Булгаков: Я желаю знать, почему я? Мой талант, как и моя репутация, не безупречны.

Цветаев: Скажем так: у Вас больше шансов поставить точку в конце романа.

Булгаков: Верно, то же самое Вы говорили Леониду Андрееву, давая в разработку «Дневник Сатаны»?

Цветаев: Мы помним об ошибках, потому меняем тактику. Вы будете жить, пока на бумагу не лягут слова: «...пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат».

Булгаков: Если я верно истолковал Вашу мысль, заготовку нужно положить в начало?

Цветаев: Вы чертовски умны! Кроме того, я бы посоветовал Вам начать отвлекающий маневр: скажем, взять в разработку пьесу из жизни какого-нибудь писателя в условиях душевной дворцовой жизни при короле-Солнце... Интеллигенция будет в восторге, имея в виду некоторые аллюзии на день сегодняшний.

Булгаков: Дневник Сатаны?

Цветаев: Своего рода. *(Встает, сосредоточенно ходит по комнате, наклонив голову и держась за подбородок.)* На столе ключи. Три конверта один в один. Название партии «Мастер и Маргарита». В первом конверте – композиция и черновое название романа. Дубликат этой рукописи Вы публично предадите огню под предлогом *(раздумывает)*...

Булгаков: Предлогов предостаточно!

Цветаев: Вы заявите о своем желании продолжить работу над романом и вернетесь к нему спустя год или два, выражая неудовлетворение работой.

Булгаков: Третий конверт?

Цветаев: Третий конверт Вы вскрыете, когда никого из действующих лиц романа, – кроме Воланда, разумеется, – не останется в живых. Розу будет интересовать личность Сатаны. Как только Вы закончите работу над образом, Вас ликвидируют.

Булгаков: Сроки?

Цветаев: Нужно закончить прежде, чем роза обернется Фениксом и охватит Европу огнем самоуничтожения. Во всяком случае, до того, как пожар докатится до Москвы. Марина уходит последней.

Булгаков: Ясно. (*Достаёт свой конверт.*) Здесь деньги для нуждающихся братьев. Распорядитесь по своему усмотрению.

Цветаев: Положите в стол.

Крепко жмут друг другу руки. Расходятся.

9

Сцена дель-арте.

Появляются балалаечники. За ними – Цветаева-Воланд, Фагот, Аззелло, Гелла.

Чуть позже к ним присоединяется Бегемот.

Фоновая музыка – «Коробейники».

Гелла: Глянь-ка, Фагот, твои иконы жгут!

Фагот: На кой черт они им сдались, когда я шествую! Граждане атеисты, в печку их! В печку!

Балалаечники:

Эх, суетится Москва обновленная –

Развеселый столичный град!

Разведенная, раскрещенная!

Разверзайся Дантов ад!

Аззелло: Москвой прокатился слух, будто бы в Коломенском нашли почерневшую от времени икону. На доске проступало изображение Христа (*хитрый взгляд на Фагота*) на коленях у Богородицы, а в руках Богородицы – царские регалии, скипетр и держава. В то же время царь-батюшка подписал отречение от престола.

Воланд (подозрительно): Не твоя ли это шутка, дражайший Бегемот?

Бегемот: Обижаете! И знать не знаю, и слыхом не слыхивал ни о какой Евдокие Адриановой! Время Вашего царствия, Мессир!

Гелла: Многие лета, Мессир!

Балалаечники:

С Богом покончимте, граждане, смело и

Славься наш советский рай!

Не поповское дело левое –

Пятилеткой в морду дай!

Читают антирелигиозные лозунги. Фоном – приуроченная к Пасхе антирелигиозная демонстрация.

Фагот-Коровьев: «Да здравствует мировое безбожное движение!»

Бегемот: «Наше культурное достижение – отмена пьяного преобразования!»

Гелла: «Святая обязанность честных людей – спасти от церковного мрака детей!»

Аззелло (привлекает демонстрантов, становится в позу): Слушайте, други! Стихи! «Кому и на кой ляд целовальный обряд»!

Верующий крестьянин или неверующий, надо или не надо,
но всегда норовит выполнять обряды.

В церковь упираются или в красный угол,
крестятся, пялят глаза, –

а потом норовят облизать друг друга,
или лапу поповскую, или образа. <...>

Воланд (берет его за шиворот, на ухо): Ты учти, друг, это я переводить французам не стану.
Аззелло (ворчливо): Своим умом дойдут.

Балалаечники:

Сколько бездомников, Русь, наплодила ты!
Стерпит русская душа!
Разжилася серпами-вилами –
За душою – ни гроша!

Фагот (перехватывает инициативу): Представьте, батенька, такую сцену. Поп гнусавит с амвона: «Царице моя преблагая, Надеждо моя, Богородице, Приятелище сирых и странных Предстательнице, скорбящих Радосте, обидимых Покровительнице!» И на этих словах распахиваются царские врата, и Вы выходите твердым размашистым шагом и подаете свою трудовую мозолистую руку! Во зрелище-то?

Гелла: Вера творит чудеса!

Воланд (скептически, не теряя достоинства): Кто же меня допустит к алтарю в женских тряпках? Ты забываешься, Фагот, я нечистый!

10

Все стихает. Проектор выхватывает умирающего Булгакова.
Слепой взгляд куда-то в потолок.

«Февраль... На Украине февраль называют лютым. Лютый, лютый месяц... Интересно, догадается кто... Бегемот весьма недурно придумал сжечь роман. А какого рожна я жег «Мертвые души»? Не помню, ни черта не помню... Так и в следующий раз приду, беспамятный, буду наугад выпускать яды, пока не подберет кто-нибудь в ясном уме и при твердой памяти... Маринка предрекает роману великое будущее. Вернемся – поглядим... Ее не найдут, не должны. Мало ли зеленоглазых дур на свете! Бумаги я сжег, черновики набело переписал... кажись, нигде не нагадил... Главное, чтобы не кололи. Галлюцинации – это так, дрянь, а что, если я начну болтать под наркозом? И эти провалы в памяти, черт их дери... Стреляться поздно, смалодушничал. Скорей бы уже... к Аззелло, Коровьеву, Бегемоту – нажрусь в дымину, а там можно и оглядеться... и не думать, не думать о романе! и сейчас не думать... о чем-нибудь другом думать, менее болезненным думать... сон, где я сам себе пророчил... чугунная шинель – черт знает, что такое... «Одна Голгофа на двоих...» Не моя, не моя мысль мелькнула! появляются ниоткуда, уходят в никуда... Бог стучится в мой... в мой воспаленный мозг, а я не в силах отвечать... Верно, что-то хорошее, знаковое, раз стучится... И все-таки роман, роман... никого не осталось... Толстой написал бы иначе... мертвее... Бегемот прав, моя вещь... Страшно подумать, что будет, если погубят роман. Свезут куда-нибудь в архив и забудут... и меня забудут... будут потрошить страницы, заворачивать в них селедку, ходить по нужде... пакость какая... что-нибудь в небесной канцелярии не учтут и нет романа... а есть... что же есть... ничего, ровным счетом, ничего, схоронят правду... Надо, чтобы знали, чтобы знали!»

Елена Сергеевна замечает напряжение:

– Я даю тебе честное слово, роман будет напечатан!

– Чтобы знали... чтобы знали...

11

Пока люди в черном с трудом выносят тело покойного, и где-то далеко рвутся первые снаряды, на сцене появляется Цветаева.

– Пора! для этого огня –
Стара!

– Любовь – старей меня!

– Пятидесяти январей

Гора!

– Любовь – еще старей:

Стара, как хвощ, стара, как змей,

Старей ливонских янтарей,

Всех привиденских кораблей

Старей! – камней, старей – морей...

Но боль, которая в груди,

Старей любви, старей любви.

23 января 1940 г.

Пора снимать янтарь,

Пора менять словарь,

Пора гасить фонарь

Надверный...

Февраль 1941 г.

Тушит фонарь. Сцена погружается в темноту.